

Константин Ситников

История писца Хори

От автора

Несомненно, читателю хорошо знакомо название одного из самых популярных произведений древнеегипетской литературы — «Сказки о двух братьях». Однако о самой рукописи, ныне хранящейся в Британском музее, мы знаем очень мало. Около 1850 года англичанка миссис д'Орбине купила единственную копию этого шедевра в Италии у неизвестной личности. Спустя два года французский ученый виконт Эммануэль де Руже, которому д'Орбине доверила хранение папируса, опубликовал так называемую «Заметку об одном египетском иератическом манускрипте», включавшую в себя и текст самой сказки. Эта публикация произвела настоящий фурор в научном мире, открыв новую, неизвестную до того, страницу древнеегипетской литературы — беллетристику.

Как считают исследователи, текст сказки в конце XIX династии (конец XIII века до н.э.) переписан рукой писца Иннана с не дошедшего до нас оригинала. В последних строках текста упоминаются, кроме самого переписчика, имена еще трех писцов, являвшихся, по предположению ученых, членами литературного кружка. Неясным до недавнего времени оставалось лишь одно: в посмертных записках миссис д'Орбине, опубликованных в журнале «Woman Magazine», упоминалось, что, помимо рукописи «Сказки о двух братьях», у нее есть еще два больших свитка, купленных ею у таинственного итальянца, который, по его словам, нашел их в одном и том же месте.

Что же это были за свитки? Задавшись таким вопросом, известный американский египтолог Джон Д. Твикс, эксперт по рукописям Нового Царства, в сотрудничестве с не менее известной прорицательницей Марией Генриеттой, провел необходимые изыскания. Недавно его многолетние поиски увенчались успехом: им был найден сначала один, а затем и другой потерянный текст. Спустя полгода Твикс сделал сенсационное сообщение об обнаруженных и расшифрованных им новых древнеегипетских произведениях.

Русский вариант одного из недавно найденных древнеегипетских текстов выполнен по английскому переводу с оригинала, опубликованному в американском ежегоднике «Ancient Egypt Annals» за 2003 год.

Художник С. Дергачев

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

Меня отдали в школу писцов поздно. Мой прадед, отважный воитель, прославивший свое имя в схватках с кочевниками, владел большими домами в Иуну* и был удостоен высокого звания истинного знакомого фараона. Но когда фараон умер (говорили, что его отравили во сне) и на трон под золотым навесом взошел его дальний родственник, прадед впал в немилость. Принято, чтобы все изображения свергнутого фараона уничтожались, дабы уже ничто не напоминало о его былом величии. Новый фараон тем и проверяет преданность своих приближенных — заставляет их прилюдно осквернять память своего предшественника. Мой прадед отказался сделать это, и в наказание его сослали на южную границу.

В стране началась смута, и новый фараон, заносчивый самозванец, исчез в ее водовороте так же быстро, как и возник. За несколько лет сменилось четыре правителя, и о моем прадеде никто уже и не вспоминал. Он продолжал жить в опасной близости от кочевников, помнивших его по тому сокрушительному поражению, которое он нанес им много лет назад.

Когда прадед умер, его дело продолжил его сын, мой дед. Последний был не столь воинствен и даже завел дружбу с одним из предводителей кочевников, забыв об их врожденном вероломстве. Однажды, когда дед гостил у своего «доброего соседа», ему подали отравленного мяса, и он умер в страшных мучениях, а тело его подвергли надругательствам.

Его единственный сын, мой отец, жестоко отомстил недругам, за что впал в еще большую немилость у нынешнего фараона, поскольку нынешний правитель предпочитал худой мир всякой войне. Вот почему мой отец долгие годы еще служил на границе, охраняя ее от соседских набегов, и лишь перед самой его кончиной фараон милостиво позволил ему вернуться в Иуну вместе со всеми домочадцами. Там отцу предоставили опустевший дворец какого-то вельможи.

Через несколько дней он должен был предстать пред лучезарным, но дорога и радость так истомили его, что он занемог и слег. Фараон, узнав о недуге верного слуги, прислал к нему придворного лекаря, но тот лишь покачал головой и ушел, оставив какие-то снадобья. Тому, кто готов предстать перед Осирисом, сказал он, лекарства без надобности.

Поздно ночью (никто в доме не спал) отец призвал меня к себе и сказал:

— Я ухожу в вечное царство Дуат. Осирису угодно, чтобы я покинул Иуну, так и не повидав фараона, да будет он жив, невредим и здоров. За меня это сделаешь ты, сын. Я отдаю тебя в Дом жизни**, где ты научишься премудрости, скрытой от глаз людей, но открытой богам. Я хочу, чтобы ты знал, что, кроме мира видимого, который окружает тебя каждый день, есть мир иной, истинный, и только тот счастлив, кто научится видеть его так же явственно...

Отец замолчал, тяжело переводя дыхание, веки его опускались и поднимались, и белки глаз были мутными, словно подернутыми пеленой. Он уже не замечал меня, перед его глазами проносились образы иного мира, он начал бредить.

«Что ты видишь, отец?» — хотел я крикнуть, но руки слуги мягко опустили на мои плечи и повели прочь от смертного ложа...

Слова отца о мире ином глубоко запали мне в душу. Я знал, что перед смертью человек не может лгать — ведь у него больше нет возможности искупить ложь. И обманываться он тоже не может. Поэтому я безоглядно поверил сло-

* Иуну — в греческой транскрипции Гелиополис (*Здесь и далее примеч. автора.*)

** Дом жизни — так называли школу писцов.

вам отца о мире ином. И как же мне хотелось увидеть его хотя бы краешком глаза!

На другой день слуга отвел меня в Дом жизни.

Встретил нас жрец в белой тоге и сандалиях с загнутыми концами. У него была гладкая коричневая, похожая на яйцо голова с большими оттопыренными ушами. Он прочитал сопроводительный папирус, который передал ему слуга, и поманил меня пальцем. Положив руку мне на макушку, он запрокинул мою голову и заглянул мне в глаза. Рука у него была тяжелая, и он больно вцепился мне в волосы. Я стоял перед ним, изо всей силы сдерживаясь, чтобы не заплакать.

Мы находились среди высоких гладких колонн под каменным навесом, во внешнем дворе школы. Двор этот был выложен огромными плитами и окружен высокой стеной с бронзовыми воротами — через них я туда и попал.

Наконец жрец, которого звали почему-то женским именем Анхесенамон, ослабил хватку и спросил:

— Как зовут тебя?

— Хори, — ответил я.

— Умеешь писать, Хори?

— Да, господин.

Анхесенамон проворно достал из-под каменной лавки деревянный ящик с письменными принадлежностями и протянул мне вощеную табличку и бронзовое стило. Наступал очень ответственный момент.

— Напиши мне имя фараона, да будет он жив, невредим и здоров, — важно сказал Анхесенамон. — Да не забудь поставить картуш.

Я даже обиделся. Кто же пишет имя фараона без картуша?

Снявши парадное платье, чтобы не испачкать его в пыли, и оставшись в одной юбочке, я растянулся животом на каменных плитах. Высунув язык от усердия, я принялся царапать на воске иероглифы. Жрец наблюдал за мной с изумленной улыбкой.

Не прошло и нескольких минут, как я закончил, вскочил и, быстро одевшись, протянул жрецу готовый текст. Мой старый слуга глядел на меня с умилением, и я не сомневался, что, вернувшись в наше временное жилище, милостиво предоставленное моему отцу фараоном, он не преминет в самых ярких красках описать мой триумф.

Жрец принял из моих рук табличку, взглянул на нее, и его чисто выбритая бровь поползла вверх. Но он тут же нахмурился, чтобы скрыть усмешку.

— Ну что ж, Хори, — сказал он, — ты молодец. — И повернулся к моему слуге: — Можешь передать своей госпоже, что ее сын устроен при храме и будет получать довольствие и одежду по договоренности. Твоя госпожа может не беспокоиться.

Нетерпеливым движением руки он отпустил слугу. Тот ушел, и тяжелые бронзовые ворота навсегда закрылись за ним. И за всем тем, что связывало меня с детством.

— Пойдем, Хори, — кивнул Анхесенамон.

Придерживая за плечо, он отвел меня во внутренний двор школы. Двор оказался огромным, тоже выложенным прямоугольными каменными плитами. Часть двора была под ка-

менным навесом на толстых колоннах, и в его тени на тростниковых циновках сидели мальчики. У всех были бритые головы, и все они сидели в одинаковых позах: левая нога подвернута под себя, правое колено выдвинуто, спина неестественно прямая. На правом колене у каждого лежал деревянный ящик, на котором они писали, вода камышовым стилем по папирусу.

Между рядами мальчиков прохаживался, помахивая тросточкой, жирный жрец с тройным подбородком. Я заметил, что уши у него тоже оттопыренные (это из-за привычки складывать за них тростниковое стило, как мне стало известно позднее). Звали его Эйе.

Как только мы вошли, ученики перестали скрипеть стилиями и все головы повернулись в мою сторону.

— Познакомьтесь, — сказал Анхесенамон. — Это ваш новый товарищ. Его зовут Хори.

Служка бросил мне под ноги циновку, такую истертую, что сквозь нее были видны каменные плиты. Сходяв на склад, он принес обшарпанный деревянный ящик, которым, несомненно, пользовался уже не один ученик, и бронзовую чернильницу. Я уселся на циновку и неловко подвернул под себя левую ногу. Чернильницу я поставил рядом.

Эйе, переваливаясь с ноги на ногу, как бегемот, однако проворно, подошел ко мне и два раза ткнул меня тростью — сначала в икру ноги, а потом в спину, заставляя принять правильную позу. Сидеть, подняв колено и неестественно выпрямив спину, страшно неудобно. И уж тем более, если при этом приходится удерживать на колене тяжелый деревянный ящик. Но я постарался сделать всё, как надо.

Придирчиво оглядев меня, Эйе остался, видимо, доволен. Он обернулся к моему соседу — толстому мальчику, который был одет как сын богатого торговца, и проговорил высоким, слащавым голосом:

— Кагабу, друг мой, одолжи своему новому товарищу лист папируса.

— А почему я? — почти басом отозвался толстяк.

— Кагабу, дружок, ты, конечно, слышал поговорку: не заставляй старшего повторять дважды, потому что второй раз он повторит не словами, а палкой?

Обиженно сопя, толстый мальчик достал из своего деревянного ящика крошечный свиток папируса и, поднявшись, неловко сунул его мне.

— Прими, брат, от чистого сердца в чистые руки, — буркнул он.

У меня никогда не было ни братьев, ни сестер, поэтому никто еще не называл меня братом.

Поклонившись в ответ, я положил папирус на ящик, распрявил его, как мог, и достал из особого углубления камышовое стило. Оно было измочалено, будто старая зубочистка.

— Ну вот и хорошо, — сказал Эйе.

Тронув меня тростью, чтобы я выгнул спину еще прямее, он двинулся дальше между рядами.

— Фараон, — принялся он диктовать с прерванного места, и камышовые стилии мальчиков тут же быстро заскрипели по папирусам, — да будет он жив, невредим и здоров, в своей непостижимой милости заботится обо всех своих подданных, от военачальника до землепашца. Он милосердный и, помня прежде всего о своем народе, не может оставить милостивым голодный, измученный люд. Вот почему он дал нам, приближенным, всё, а народу — всё, что осталось. — Пауза. — Ведь что такое народ? — С этими словами Эйе, повернувшись, уставился на меня. Я не знал, что такое народ. — Тот же тягловый скот, — наставительно заговорил он, — который нуждается в хорошем сене и сухой подстилке. А накорми его мясом, да напои вином, да пусти в храм — и что будет? Нечистоты и мерзость.

Тут ящик, и без того едва удерживающийся у меня на колене, накренился; я хотел подпереть его локтем и чуть не упал сам. Письменные принадлежности весело посыпались на каменные плиты. Потом чуть не опрокинулась чернильница. Я наскоро подобрал предметы и, красный, вспотевший от смущения, наконец снова уселся в нужной позе.

— Смотрите, у этого Хори две руки, и обе левые, — хихикнул толстый Кагабу. Он хотел добавить что-то еще, но Эйе так глянул на него, что тот прикусил язык.

Диктант продолжался...

После занятий ко мне подошел бледный, очень красивый мальчик. Большие серые глаза и длинные рыжеватые ресницы, одет в тонкую белую тогу, стоившую, наверное, четверть состояния моего отца. Я выделил его среди остальных еще во время урока: он сидел в позе писца с такой непринужденностью, как будто принял эту позу еще в утробе матери. Теперь, протянув мне ладонь с длинными тонкими пальцами, он мягко представился:

— Иннана.

Позднее я узнал, что его отец — один из высших чиновников государства, доверенное лицо фараона. После окончания школы Иннана ждало место хранителя и учетчика царской сокровищницы, и потому уже сейчас учителя относились к нему с величайшим почтением.

Познакомился я и еще с одним мальчиком, высоким и тощим, как жердь, с вытянутым угреватым лицом и холодными, влажными руками. Он был сыном жреца, и звали его Меримне. Вместе с Кагабу, отпрыском зажиточного купца, разбогатевшего после нескольких главаний в Пунт*, это была самая неразлучная троица в школе. Вскоре они стали моими лучшими друзьями.

Я думал, что меня сразу начнут обучать тому, как видеть мир иной. Но оказалось, что об этом в Доме жизни даже не помышляли. Нас обучали правильно зачинять камышовые стилии, писать под диктовку, считать, составлять гимны. Учили нас и тому, как отличать хороший папирус от плохого по цвету и запаху, и уже через несколько месяцев я легко отличал папирус из Себенниты, что в дельте Нила, от папируса из Таниса или Сомса, подобно тому как любой из непросвещенных никогда не спутает священный папирус, выделяемый из сердцевины стебля, с грубой оберточной бумагой для торговцев. Всему этому научили меня в Доме жизни. Но ни слова о мире ином.

М^оим любимым учителем был Хнумхотп, или просто Хнум, взявшийся помочь мне догнать сверстников в письме и счете.

— Ты слишком большое значение придаешь тому, что о тебе подумают другие, — сказал он мне однажды. — Но так ли уж это важно?

Мы сидели во внутреннем дворе и лепили глиняные таблички для завтрашних занятий.

— Смотри, — продолжил Хнум и взял комок глины, — вот что из тебя делают другие. — И, легко смяв глину пальцами, он несколькими быстрыми и точными движениями придал ей форму обезьяны, потом снова смял и придал глине форму кролика. — Под взглядами других людей ты превращаешься во что угодно: ты можешь стать львом, а можешь и кроликом, но кем бы ты ни стал, ты перестаешь быть собой и остаешься обезьяной.

— Что же делать, учитель?

— Стань закаленным, — сказал он, беря в руки обожженную фигурку писца. — Пройди через огонь и стань твердым.

Тогда он не сказал мне, что закаленную глиняную фигурку нельзя перелепить во что-то другое, но ее легко разбить...

* Пунт — страна на территории современного Сомали.

Через три месяца мне назначили испытание. Я должен был сдать экзамен на умение быстро и выразительно читать, безошибочно выполнять арифметические действия и, главное, правильно писать иероглифами.

Я не сомневался в своем успехе и все же волновался так, что у меня вспотели ладони.

Экзамен принимали старшие жрецы и двое младших — мой учитель и Анхесенамон. Увидев последнего, я покраснел: мне вспомнилось, с каким самодовольным видом я протягивал ему свои младенческие каракули. Но теперь-то уж я не ударю лицом в грязь!

Экзамен на чтение я сдал с легкостью: все три месяца Хнум заставлял меня читать вслух по несколько часов в день. Мы читали наставления Каресу, и поучения Джедефхора, и книги многих других мудрецов древности. Теперь мне попался хорошо знакомый отрывок. И я легко с ним справился.

Затем настал черед экзамена на умение считать.

— Скажи нам, Хори, — попросил старший жрец Уни, — что нужно сделать, чтобы из двух щепочек получить четыре?

— Переломить их надвое, господин.

— Но ведь тогда это будут уже не целые две щепочки, — с улыбкой возразил он, — а четыре половинки.

Но я не дал сбить себя с толку.

— Когда мы считаем, господин, — почтительно ответил я, — то берем не те щепочки, которые можно потрогать руками, а мысленные щепочки, которые нельзя сделать ни короче, ни длиннее, потому что они всегда одинаковые.

Жрецы удивленно переглянулись. Я заметил, что учитель Хнум доволен моим ответом, и приободрился.

— Хорошо, — сказал старший жрец, — со счетом ты справился. А теперь покажи нам, как хорошо ты умеешь писать.

Я неторопливо разложил письменные принадлежности, принял позу писца (подумать только, каких-то три месяца назад я писал, еще лежа на животe!) и сдержанно кивнул в знак того, что готов к испытанию.

Тут слово взял Анхесенамон:

— Напиши нам имя фараона, да будет он жив, невредим и здрав. — И, показалось мне, насмешливо улыбнулся. Затем он достал из деревянного ящика крошечные песочные часики и поставил их перед собой. Песчинки весело побежали.

Когда упала последняя песчинка, я с легким поклоном протянул ему папирус.

Анхесенамон с усмешкой принял его, пробежал глазами, и усмешка на его лице сменилась изумлением. Щелкая языком, он передал папирус соседу, а тот, прочитав, передал его старшему жрецу. Вскоре они все щелкали языками и разглядывали меня так, будто только сейчас увидели.

А дело в том, что за отведенное мне время я не только начертил имя фараона, но и сочинил небольшой гимн в его честь. Заканчивался он так:

*О ты, кто держит в руках ключи от дверей
в мир иной!*

Учитель Хнум украдкой пожал мне руку и шепнул:

— Не зазнавайся, твоей рукой водил Тот*.

Я только кивнул в ответ. Я вовсе не зазнавался... ну разве чуть-чуть.

Как-то мы с ребятами сидели во внутреннем дворе малого храма, и Иннана, которому через два года предстояло стать молодым придворным (уже сейчас на его лице можно было различить отсвет божественного сияния), мечтательно сказал:

* Тот — бог мудрости, письменности и счета.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

— Если бы ты знал, Кагабу, друг, как я тебе завидую!

— Ты — мне? — Кагабу, который в этот момент жевал медувую лепешку, чуть не поперхнулся.

— Ну да, тебе, — спокойно подтвердил Иннана. — Подумать только, через каких-то два года ты будешь стоять рядом со своим отцом на носу корабля, устремляющего бег по пенным волнам к сказочному Пунту, и впереди у тебя — целая жизнь, полная приключений.

— Нашел чему завидовать! — отмахнулся толстяк Кагабу. — Будь моя воля, я охотно поменялся бы местами с Меримне. Я всегда мечтал служить в храме и участвовать в мистериях. Вот это жизнь! Бледные губы Меримне скривились — он никогда не улыбался.

— Святые боги, — вздохнул он, — вот как ты представляешь себе обязанности жреца!.. Что до меня, то наиболее завидной представляется мне доля нашего общего друга Иннаны.

Иннана невесело рассмеялся:

— Мы все мечтаем о той участи, которая уготована другому. А ты, Хори, — обратился он ко мне, — о чем мечтаешь ты?

— Увидеть мир иной, — просто сказал я.

С тех пор прошло много лет, и мечта моя поблекла. Покинув школу, я зарабатывал себе на кусок лепешки тем, что помогал неграмотным провинциальным аристократам и землевладельцам составлять скучные прошения и жалобы. Потом я несколько лет скитался по Нижнему Египту, разыскивая магические свитки для библиотеки одного сумасшедшего вельможи. И даже участвовал в тайных мистериях в честь запретного бога с ослиной головой, имя которому — Мятажник*. Но нигде я не нашел мир иной. И тогда я впервые усомнился в словах моего отца, сказанных им перед смертью...

Жизнь бродячего писца полна превратностей. Странствия вновь привели меня к стенам школы, в которой я провел лучшие годы своей жизни.

Моя бывшая школа оказалась давно заброшенной. По каменным дворам разгуливал горячий ветер пустыни. Во внутреннем дворе, где обычно проходили наши занятия, я увидел протертую до дыр циновку писца, и сердце мое сжалось от воспоминаний. И тогда я кое-что понял.

Мир иной, он вокруг нас, только нужно уметь видеть его. Он окружает нас в детстве, когда наши чувства не притуплены рассудком. И вернуться в него мы можем в воспоминаниях. Таков был последний урок, который теперь, спустя десятилетия, получил я в Доме жизни. С этим осознанием я покинул мертвые стены, теперь уже навсегда.

(Колофон:) Доведено же сие до конца прекрасно и мирно
— для души скромнейшего из писцов, писца Хори.

** Мятажник, бог с ослиной головой — бог Сет, олицетворение злого начала.